

Маркиз

Общественное мнение в отношении кодек? Конечно, существует, и еще какое! Милиционер, зашедший по своим милицейским делам, для начала постарался быть любезным:

— Ух ты, какой здоровущий! Чемпион! А жил бы на помойке, небось, не отрастил бы такое пузо...

Нянька молча подхватила кота и прижала к холщовой груди передника, выразительно показывая, что этот кот — не для помойки. Милиционер усмехнулся и протянул:

— Да-а... Это конечно... Ну, до весны недалеко, снова пустят транспорт, отлавливать ихнего брата согласно инструкции. Потому как сигналы. Граждане жалуются в исполком: дескать, разносят инфекцию эти товарищи. По науке. Ин-фекцию! — И он назидательно потряс толстым указательным пальцем.

Представитель порядка был человек практичный и без приказа никаких действий предпринимать не стал бы. Пенсионер на лавочке высказался куда определеннее:

— Еще что надумали! Кошку прогуливать! Мало собак — загадили всю территорию.

— Ну, коту ведь тоже хочется на травку. Он у нас воспитанный...

— Мало кому чего хочется... Газон для лугов. Всякую животину развели...

— Он не всякий. Он полгожитель.

— Их тут таких-то — пруд пруди. Сколько хошь. Развели — ступить некуда.

Крайняя точка зрения обнаружила себя в более агрессивной манере. Иногда я покупала и раздавала рыбу бесчисленному кошачьему семейству, населявшему подвал. Кошки, под предводительством своей общей прародительницы, тощей, с отвисшим брюхом и облезшим хвостом, окружили холмик мойны на траве. Они двигались по направлению к пище с запранными хвостами, когда откуда-то с небес раздался вопль:

- Это еще что! Зачем газон портите? Кто разрешил кошкам кормить?

Я подняла голову: из окна третьего этажа высовывалась баба Лиза в неизменном платке. В руке у нее торчал кухонный нож.

- Ну что, не слышно, что ли? Я вам говорю: сейчас кончайте! А та милицию позову! Нету такого закона - грядь разводить! Люди сажали, поливали, ухаживали - а эти, ^{на} видишь, кошечек жалеют! Да тьфу и на вас ^{на} всех! Убирайте вашу грязь сейчас, не то...

Кошки тем временем растаскали рыбку по кустам, и оттуда доносилось ритмичное похрустывание. Я подняла с земли отсыревую бумагу и бросила в контейнер. Окно захлопнулось.

Поскольку моя точка зрения расходится с общественным мнением, то придется ее обосновать. Для этого нам надо вернуться лет эдак на тридцать назад...

Просторный наш двор в те времена был тих и безлюден в дневные часы, и кошки не валялись на солнцепеке, а проворно пробегали по своим делам. Старались не привлекать к себе внимания. А в этом коте скромности не было ни капельки. Бывало, утром только отворишь дверь на площадку - а он тут как тут *Фур-р!* - уже в квартире. И несся дод кровать. И вот - когда вечерний чай уже выпит, чашки сдвинуты, всеми владеет сладкое осодование, - он выступал из тьмы и располагался на виду. Садился так, чтобы свет заливал его мохнатые уши с кисточками на концах и пышные баки. Сам не смотрел ни на кого - боже сохрани!, но позволял собой любоваться. Когда он так вот застыпал для всеобщего обозрения, широко раскрывал глазищи, где в меду плывает черная иголка-зрачка, и упирал в пол мощные лапы в белой бахроме, и раскладывал на дороге шальвары, и окружал все это великолепие хвостом напоминание страусового боа, - кто-нибудь непременно не выдерживал и взрывался от восторга: - красавец-мужина! Прямо генерал Скобелев! ..

Получив моральное удовлетворение, он исчезал: таял в сумраке без звука и следа, а потом оказывалось, что притулился на кресле в двух шагах. К ночи его изгоняли: - иди,

иди к себе домой, — дапутствовала его нянька. И он неохотно выскользивал. Но в один прекрасный день он обернулся и зашипел. Верхняя губа грозно вздернута, оба белоснежных клыка обнажены, черный нос цаморщен — берегись! Он недумысленно давал понять, что его пом злесь.

— Ну ладно! — сказала дядька. — Но без спросу-то нельзя? — кота завернули в передник и понесли на первый этаж, к хозяевам. Все переговоры велись да пороге. — Что вы, берите, пожалуйста, нам не жалко! В доме маленький ребенок, а он прыгает и все такое. Нет, нам он ни-к чему. И без него-возни хватает! И грязь таскает со двора, тверь ему открывай.

Все это время кот сидел на плече у дядьки, свесив в сторону прежних хозяев свой хвост. Он сидел, вцепившись, когтями в нянькину ситцевую спину, и безмятежно ждал. Исход переговоров его не волновал ни на минуту. Так произошло воцарение.

Я перебрала все имена, пока не догадалась: — Маркиз! Маркиз! Тут он впервые насторожил ухо и поднял квадратную морду: — Я вас слушаю?

Однако, красота-красотой, а бока и брюхо кота носили на себе обильные следы разгульной жизни: мех свалился местами просто в долтун.

— Надо рачесать! — с этими словами нянька поднесла к кошачьей спине гребень. — Раз! и на руке вспухли четыре кровавые полосы, а разбойник принялся брезгливо вылизывать оскверненную лапу.

— Ах ты хулиган! Ну и ходи кошлатый! — нянька обижелась не на шутку.

Через минуту кот уже восседал на вешалке, свесив оттуда свой веер из страусовых перьев, и вылизывал основание этого веера, сощурив от наслаждения глаза.

Он сразу выучился держать дас..в границах и заставил относиться к своим слабостям с побаивающим почтением. Еда на кухне раздавалось громыханье его миски, он писпадал с вешалки и вытагивал на сладкие звуки. Во время его трапезы не следовало громко говорить или ходить мимо: он понимал голову и обводил нарушителя внимательным ледяным взором. И пока

не достигался порядок, желтые прожекторы горели предостерегающим ходовым пламенем. И при этом он открыто шкотил..

— Выпрыгать тебя, что ли? — недоумевала Ильинка, собирая черепки. Она утверждала, что своими глазами видела, как Маркиз подвигал чашку к краю полки и наблюдал за ее нацией. — Взяли нещечко! — горевала она. — И не знай, с какой стороны и подойти. А сброс! Хуже какого из подворотни.

Я посадила кота на диван./он с отстраненным любопытством позволил мне это/, прижала правой рукой, а левой акнула по дивану мокрым полотенцем. Пыль взвилась облаком, и пружины издали взрывной шум. И раз! И еще! И еще! И кот сдался. Он припал брюхом к покрывалу и прижал уши. Тут я и принялась за дело: я чесала его так, что летели клоочки, а в затруднительных случаях носкала в ход ножницы, выстригая меховые колтуны. Кот издавал сдавленные вопли, но на большее не стваживался. Он был совершенно деморализован. С этих пор кот привыкал ко мне. Он четко разделил наши функции, мои и Ильинкины: она обязана кормить и помалкивать, а я имею право на его внимание. Например, на мой зов он не спеша выплывал из будущего сытого, — общался. Понемногу его надменная, суровость сменилась зловещей игривостью. На ничего не попрекающего гостя он обрушивался теплый меховой груз и, скользнув когтями по плечам, скатывался прочь. Поэтому, выходя в переднюю на звонок, мы привыкли предупреждающе кричать: — Маркиз! Не смей! В ответ на что из-под потолка увесисто шлепалось нечто дохнатае и с шипением покидало круг света, скрывшись в коридоре. Потом он стал отыгрываться на нас. Стоило закрыть двери на все замки, выключить свет и улечься, как початый пол начинал потрескивать и постанывать; Маркиз отправлялся на прогулку. Но вот гасли уличные фонари, в столовой бронзово звенели стенные часы, и сонное дыхание вторило тишине. И тут-то трах-тарах! — Неслось из кухни. Трах-тарах! — под потолком вспыхивала лампочка и освещала картину ночных похождений кота: на полу валялись сброшенные с верхних полок кастрюли и осколки отскочившей эмали. Отнашли Ильинку, особенно умаявшись за чай, слизнувшись и принявшись

шуровать по полке метлой. Маркиз шипел, плевался и лупил по прутьям лапой, но в конце концов слепнулся на пол прямо у ног няньки и брызнул под мое кровать.

Были и другие забавы. Надример, он зацеплялся ногтями за полы пальто и принимался мерно раскачиваться, на что вешалка откликалась жалобным поскрипыванием. Да что говорить! Весьма уважаемая гостья преклонных лет сидела в глубоком кресле, сдегка отодвинувшись от чайного стола. Текла неспешная беседа. Тут из-под льняной скатерти на шелковые колени дзлется Маркиз и раз-раз-мягкими лапами надавал почтеннейшей почечин — справа налево и слева направо. И ускакнул лягушка. Почтенная лама откинулась на спинку кресла и застыла с раскинутыми руками. Ее поза говорила: Ну знаете...

Несмотря — а может, наоборот, соответственно своему аристократизму он обнаружил немссякаемые запасы обжорства. Живот у него раздувался так, что становился щарообразным, — даже лап не видно. А после он принимался страдать. Он тягал это в лучших традициях романтического театра. Втаскивал себя на кресло у моей кровати, раскидывался на спине и разбрасывал лапы. Стоило мне приблизиться, как он закатывал глаза и брался за горло: стонал, шумно дыхал и отчуждался, томно колыхал лапами. Я массировала вздутое горячее брюхо, и в ответ скоро слеповало утробное урчание. Черный нос выпувал цапы-сапы-сапы-сапы, постаныванье, бакенбарды потрягивали, и весь вид говорил: вот теперь правильно. Умница! Но стоило мне отойти, как стоны и опышка возобновлялись. Это превратилось в привычку: после обеда он взгромождался в кресло и требовательно кипал мне: у-рр-м! Мне ничего не оставалось, как идти десать монаршее чрево. Мало-помалу кот обрастал традициями. Едва я останавливалась на площадке перед гверью, как, по рассказам няньки, Маркиз несся из столовой, где мог без конца не дигая пляться на циферблатах стенных часов, и вскакивал на сундук в передней. Я входила — и он щурится на то, как я снимаю уличные туфли и вешаю пальто. И ждал. Я опускалась на колени перед сундуком, и он утыкался моргой в мое лицо и урчал, урчал... На ночь он стал приходить в просеенное кресло у моей кровати. Он похрапывал там до утра и нахально вытягивал мне

вслед когтистые растопыренные лапы. Не отобрал раннего вставания, особенно зимой. Едва я вылезала из постели, как он запрыгивал на теплое место и наматывал на себя одеяло и простыню так, что со стороны казалось: там спит человек. Но на этом он не остановился, а изобрел новый способ. Мы заметили, что белое пижейное покрывало стало странно пачкаться: посередине, на месте сгибов. Отгадка состояла в том, что Маркиз залезал снизу точно в середину и терся об нее спиной. И хотя он был круглый со всех сторон равномерно, ему удавалось протереть покрывало в центре по обширной пыре, в которой болтались але живые дитки.

Однажды, слизой по контакта со мною, Маркиз стал обходиться со своей собственностью с леденящим душу беспощадностью. Я пробовала восстать, но тщетно. Он считал, что вся моя еда принадлежит ему ровно половину, и тискал из-под моего локтя не просто бутерброды с колбасой, но, например, недорогие конфеты, а однажды, войдя в раж, сдергольку ананаса — и сожрал ее, строя рожи. Но чувство долга не позволяло ему пренебречь добычей. На меня он три дня кидал издали почти трагические взгляды: что это с тобой, чем ты меня накормила, бессовестная! Ведь это вредно для моего здоровья! Ничего было не вредно. По-моему, он мог бы переваривать камни, — в небольшом количестве. При этом был брезглив нипочем не стал бы доедать с чужой тарелки, не брал еду из чужих рук. И заметно оскорблялся, если ему предлагали. Гостья умолялась: ну, м кошка, на столе курица, а он и ухом не зевает! Нянька гордо выпячивала грудь: добропетели Маркиза она относила за счет своих педагогических талантов. На самом деле он очень даже питал слабость к мясу. Но прежде всего блюл свое достоинство. Как только стол накрывали, он вспрыгивал на стул,ставил передние лапы на край стола и поводил носом, шумно фыркая. Получив информацию, он шел в кухню и приводил к столу няньку. После этого он рысью несся назад, к своей миске, и застывал перед ней в требовательно-выжидающей позе: теперь мне на пробу! И получал: сырого он ничего не употреблял, а был тонкий ценитель гастрономии.

Когда ему положили кусочек сала, он толго заскрабал рятом с мышкой, а потом ушел и забылся под кресло и оттуда понимал нас скорбными вздохами.

Однако, несмотря на самоуглубленный и исполненный уважения к себе характер, иногда и в этом цыганском гурмане взбрывала беспутная молодость. Вот когда нам с Нинькой приходилось туго! Разыскивать его в ночном дворе при нади-чии подвалов, чердаков и густо разросшихся кустарников — да еще под шумным майским дождем была задача не из приятных. Однажды вечером он вот так, откликнувшись на полузабытый зов весны, прошмыгнул и опрометью рванул вниз по лестнице. Разумеется, в свое время над ним была пропелана операция, которая должна была изменить его вкусы. Но, видно, мы переоценели воздействие хирургического ножа. Похоже, ночные прогулки в его глазах еще не приобрели оттенка вульгарности, и сбежал он в поисках приключений. Не его вина, если хвостатые дамы пришли в немилость, почуя, что красавец расточает напрасные обещания! Скатившись вниз, я увидела его загданным на верхушку жипенского саженца — как только он там удержался! Он вцепился в ненадежно раскаивающийся ствол, а кольцо его разъяренных поклонниц смыкалось у корней тодоля. Они выли. Что это был за хор! Я с трудом пробралась к дереву. Но мой кот начисто забыл меня! Он в отчаянии обнимал ветки и смотрел мимо меня пустыми глазами, где отражались огни нашего двора и единственный фонарь. В конце концов, мне удалось отодрать его от опоры. Я с трудом удерживала комок напряженных мышц, ощетиненной шерсти. Процессия кошек с загранными палкой хвостами провожала нас до параллого, завывая то хором, то соло, и в их вое орала неутоленная ярость вакханок. Дома кот тяжко спрыгнул на пол, и сичел, озираясь, не узнавая места. Его трясло еще два дня, и я, минуя двор, с антиподами поглядывала на кошек, невинно украшавших подвальные окна.

После этой эскапады мы наконец решились: устроили ему банный день. В первый раз он потусторонне выл, призывая на наши головы все кары небесные, но потом быстро смекнул: за-

то можно не вылизываться, и стал потчиматься процедуре с царственным небражением. Мы в свою очередь вытирали его кожаной простыней, а уверившись, что мероприятие благотворно потогретого молока. Напившись, он обсыпал на чистой грязке, являя собой образ нирваны: неподвижность, самоуглубленность иущевный покой. Его цветная шуба пушилась блаком, и в ней угадывались лишь два прожектора глаз да кожаные попушечки лап — для приличия он все-таки зяло лизал их. Нянька умылась:

— Розовые пятки! Пя-аточки!

... В общем, нас вполне устраивала его проклонувшаяся с годами философичность: посуда целее. Однако, оказалось, что кое-какие летали еще связывают его с прозой бытия. ...

Запах неблагополучия он почуял раньше нас: разбудил мяукальцем среди ночи. И хорошо сделал: нянька зашла ко мне, а через десять минут вызывала неотложку. Покуда врач дозировалась со мной, доктор мы с ней говорили, он кротко наблюдал из укрытия, а когда тверь захлопнулась, решительно пересек комнату и вспрыгнул ко мне на постель. Нянька забрала его и унесла под мышкой, погасила свет, я провалилась в тяжелый сон, а проснувшись, обнаружила Мэркиза у себя за спиной. Он вытянулся вдоль стены и тихо пофыркивал на медицинские запахи, и на его морде подрагивало дышанное выражение чувства удовлетворения от выполненного долга и омерзения. С этой ночи он спускался с кровати раза два в сутки: стелать туалет, завтракать поплотнее — и на чужестранец. Вскакивал он на край постели бесшумно, прокрадываясь к потушке, обнюхивал мое лицо с тем же необритительным пофыркиванием — и уходил в ноги, чтобы смиренно там свернуться. Вообще-то, это было не в его обычаях: он любил спать раскинувшись, раскидав могучие лапы и похрапывая. Я не могла ни читать, ни говорить, ворочалась, то сбрасывала одеяло, то куталась, и он явился меня позабавить: присел у лица и глядел глаза в глаза, а потом ткнулся черным кожаным носом в нос и посмогел так. Однако, заслышав тяжелые нянькины шаги, стихом прыжком вернулся в ноги. Правда, когда я втащила в постель книгу и стала сама

ходить умываться по утрам, он покинул меня решительно и не-преклонно. Но мало-помалу подозрения насчет моего здоровья привели его назад, и пришлось поверх сгеляла почивать ему простынку, чтобы он не протер его, как покрывало.

Время шло, и наша большая квартира стала слишком велика для нас. Переезд потряс основы кошачьего мировоззрения. Маркиз решил, что изменения тают в себе немизвезданные опасности. И по дороге на новое место сердце готово было выскочить из его взъерошенной груди. Зато, когда все привело в относительный порядок, он обнаружил новое качество — приветливость. Он дрожался каждому новому лицу, мурлыкал гостям. Видно, долгие дни в одиночестве, пока тянулись скитания по больницам, явили ему признак последней тишины, и он решил, что лучше любое утешение, чем крак и молчание гулкой огромной квартиры... Он даже позволял себя гладить и вежливо наклонял голову, чтобы почесали за ушком. Моя сестра, женщина, не склонная к сентиментальности, поразилась:

— Батюшки! Кот потерял лицо! А был такой аристократ!

Его начменная недоступность и мрачный беспотизм ей импонировали больше.

Вы никогда не замечали, как кошки стареют? Наверно, нет, потому что они стыдятся старости. Прячут ее от нас. Делаются внешне более спокойными, а это радует: меньше прыгать, осторожнее ступать. То, что было доваркой хищника — вкрадчивость, беззвучность — становится орудием самосохранения. И их морщатые лица искашает время: появляются складки, шерсть тускнеет, ломаются белые волосины в удах и бровях, отвисают щеки. Появляется страх ошибиться в движении. И — тоска, общая для нас и для них, тоска дикого, которому предстоит стать неживым. Неподвижный взгляд. Зверь знает, когда его сроки начинают двигаться. Знает свой час. А люди называют это знание мудростью. Маркиз уверовал в мои медицинские способности, когда я извлекла из его пасти полупроглощенную мглу /глышиая белая нитка волочилась за ним по полу/. Когда у него зашатался зуб, он разбежался и грохнулся в мою дверь грудью. Я открыла, и он сел на пороге и завел плач на одной высокой ноте, широко разевая рот. Он требовал лечения. И пришлось лечить, хоть я

вспотела от страха, что могу ему повредить что-нибудь. Потом пошли болезни похуже - но он даже погружение в корзину перевозил со стойческим терпением, а уж в ветеринарной поликлинике вел себя с такой кротостью, что вызывал всеобщие восторги.

... И наконец мы остались одни: я и кот. Не знаю, как он выносил долгие часы моего отсутствия. Но как бы поздно я не возвращалась, на голом окне четко вырисовывалась статуэтка в позе выжиания.

Командировка получилась удачная, я бы побыла и подольше, если б не Маркиз, оставленный на соседку. Провожающие меня со смехом напутствовали: передай привет своему аристократу! Морозным утром я повернула ключ в замке. Кот уже сидел на коврике. Он обвел лапами хвостом - чуть медленнее, чем прежде, и терпеливо ждал, когда я разверну веши и поздоровалась с ним.. Он ходил за мной по пятам: в ванную, в кухню, в стенной шкаф. Он поставил лапу в откинутую крышку чемодана и глянул мне в глаза.

- Не уеду, ну, не уеду больше, честное слово! - сказала я.

В поезде я не спала, батареи еле дышали, и, прежде чем насильно помыться, я пригласила Маркиза поесть. В его миске лежал кусок жареной рыбы. Кот остановился на пороге духни и не сделал дальшаги. Зато пока я вертелась под душем, он философски поглядывал на меня из-за махровой простыни.. Постучалась соседка:

- Слава богу, наконец-то вернулась! А то я уж тут думала - все, конец мне, приедет и убьет. У, разбойник! - она дрогнула пальцем и засмеялась. Маркиз отвернулся, скучливо дернулся усами. - Ну нипочем не ел. Уж как я его улещивала!

Она ушла, и я забралась под одеяло, легла на спину. Тут же я почувствовала требовательное царапанье. С некоторых пор кот затруднялся запрыгнуть на кровать и просил, чтобы подняли. Я втащила его за шиворот, и он, степенно обойдя меня сбоку, влез на мой живот и устроился, свернув лапы бубликом у моего подбородка. Глянул на меня вопросительно: не вздумаю ли вновь исчезнуть? Уверился, что нет. И хрюшко замурчал. Он даже всхлипал от удовольствия: хозяйка дома, мир обрел устойчивость,

все в порядке.

В свой последний день он не стал забираться в темный угол, как это делают кошки, зачуяв конец. Он приполз на кровать и положил тяжелевшую голову на подушку. Он верил, что рядом со мной он в безопасности. Но он был чистоплотным котом, а умирание так жестоко! Он должен был спуститься на пол. Я подстелила ему тряпку, но он желал встретить врага стоя. Он подымался на прожающие лапы, а смерть валила его, но он вставал и, покачиваясь, пытался дать сдачи, пока не упал в последний раз, и теплый медовый блеск его глаз погас. Они стали пустыми, и шерсть на нем взъерошилась вдоль хребта. А верхняя губа осталась грозно вздернутой.
